

Алексей Митрофанов
Дмитровка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Дмитровка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Дмитровка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907304-4

Две улицы Дмитровки — Большая, а затем и Малая — одно из самых интересных направлений на карте города Москвы. Так случилось, что именно здесь проживало множество людей, судьбы которых были основополагающими для формирования нашего города.

ISBN 978-5-44-907304-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Благородка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитровка Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-7304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Две улицы Дмитровки – Большая, а затем и Малая – одно из самых интересных направлений на карте города Москвы. Так случилось, что именно здесь проживали множество людей, судьбы которых были основополагающими для формирования нашего города. Николай Тарасов – предприниматель, меценат и человек, который в свое время буквально спас от краха Московский художественный театр. Михаил Катков – издатель и своего рода эталон интеллигента-реакционера. Сухово-Кобылин – драматург и недоказанный убийца. Петр Юргенсон – «нотный магнат». Алексей Дидуров – поэт, бескорыстный помощник начинающим талантам и вдохновитель книжной серии «Прогулки по старой Москве» – той самой, том которой вы сейчас держите в руках.

Всех не перечесть.

Но помимо жителей здесь находилось множество преувлекательнейших общественно-значимых мест. Один только литературно-художественный кружок чего стоит. Да и Благородное собрание не подкачало.

А потому и прогулка в этом направлении обещает быть весьма приятной и насыщенной.

Благородка

Здание Благородного собрания (Большая Дмитровка, 1) построено в 1787 году по проекту архитектора М. Казакова.

Идея Благородного собрания возникла много раньше, нежели сам дом. Е. Благово, московская дворянка, вспоминала: «Дворянское собрание в наше время было вполне дворянским, потому что старшины зорко смотрели за тем, чтобы не было какой примеси, и члены, призвавшие с собою посетителей и посетительниц, должны были отвечать за них и не только ручаться, что привезенные ими точно дворяне и дворянки, но и отвечать, что привезенные ими не сделают ничего предосудительного, и это под опасением попасть на черную доску и чрез то навсегда лишиться права бывать в Собрании. Купечество с их женами и дочерьми, и то только почетное, было допускаемо в виде исключения как зрители в какие-нибудь торжественные дни или во время царских приездов, но не смешивалось с дворянством: стой себе за колоннами да смотри издали. Дом Благородного собрания был издавна на том месте, где он теперь, только сперва этот дом был частный, принадлежал князю Долгорукову. Основателем Собрания был Соймонов, человек очень почтенный и чиновный, к которому благоволила императрица Екатерина; он имел и голубую (Андреевскую) ленту и в день коронации императора Павла получил где-то значительное поместье. Жена его была сама по себе Исленьева. Вот этот Соймонов-то и вздумал учредить Собрание для дворянства, и лично ли или чрез кого из приближенных вошел о том с докладом к государыне, которая дала свою апробацию и впоследствии приказала даже приобрести дом в казну и пожаловала его московскому дворянству. Дом был несравненно теснее, чем теперь.

Я помню по рассказам, что покойная матушка езжала на куртаги, которые были учреждены в Москве: барыни собирались с работами, а барышни танцевали; мужчины и старухи играли в карты, и по желанию императрицы для того, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого цвета и платье у жены. У матушки было платье: юбка была атласная, а сверху вроде казакина или сюртучка довольно длинного, из ста – меди стального цвета с красною шелковою оторочкой и на красной подкладке... Съезжались обыкновенно в 6 часов, потому что обедали рано; стало быть, 6 часов – это был уже вечер, и в 12 часов все разъезжались по домам. Танцующих бывало немного, потому что менюэт был танец премудренный: поминутно то и дело, что или присядь, или поклонись, и то осторожно, а иначе, пожалуй, или с кем-нибудь лбом стукнешься, или толкнешь в спину; мало этого, береги свой хвост, чтоб его не оборвали, и смотри, чтобы самой не попасть в чужой хвост и не запутаться. Танцевали только умевшие хорошо танцевать, и почти наперечет знали, кто хорошо танцует... Вот и слышишь: «Пойдемте смотреть – танцует такая-то – Бутурлина, что ли, или там какая-нибудь Трубецкая с таким-то». И потянутся изо всех концов залы, и обступят круг танцующих, и смотрят, как на диковинку, как дама приседает, а кавалер низко кланяется.

Тогда и в танцах было много учтивости и уважения к дамам».

П. Богатырев восхищался: «На углу Большой Дмитровки и Охотного ряда находится здание Российского благородного собрания. Не знаю, есть ли еще где-нибудь такой огромный зал, с такими колоннами, зеркалами и люстрами, как здесь. На огромных колоннах этого зала устроены довольно поместительные хоры. Кроме этого Большого зала, есть еще там Малый зал, тоже довольно большой, но много ниже и уже Большого; есть здесь и еще несколько зал, и великолепная круглая гостиная. В этом Собрании в шестидесятых годах была, кажется, первая в России мануфактурная выставка.

В Большом зале московское дворянство принимало государей и задавало такие балы, о которых разговоров хватало на целую зиму. Тогда так называемое высшее общество, состоящее из аристократических русских фамилий, жило еще широко, по-барски, и давало, так сказать, тон всей Москве.

В этом же зале устраивались и симфонические концерты только что основанного по мысли и под руководством Николая Григорьевича Рубинштейна Музыкального общества. Концерты эти привлекали цвет московского общества».

Именно тут устроила свою судьбу пушкинская Татьяна из «Евгения Онегина»:

Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг.

Попасть в этот дворянский клуб было непросто. Строгие старшины отслеживали чистоту рядов. Были в Собрании постоянные члены, были и приглашенные. Разумеется, тоже дворяне. Если обнаруживалось, что постоянный член привел какого-нибудь разночинца, члена наказывали. Вплоть до исключения.

Происхождение являлось почти единственным критерием. Чем родовитее, тем лучше. Ведешь свой род с какого-нибудь там замшелого столетия – значит, достоин танцевать с императрицей. А матушка любила посещать Собрание. И в менюэте («миновете», как его в то время называли) все боялись повернуться к ней спиной. Словно в церкви к алтарю.

Но это никого не унижало. Напротив – приводило в верноподданнический восторг.

За знатность рода господам прощалось многое. Завсегдатайствовала, например, в Собрании ужасная старуха Офросимова. Все ненавидели ее. Как вцепится в какого-нибудь молодого человека или в девушку на выданье – так и пропал весь вечер. Потанцевать не даст, заставит ходить с собою под руку и будет учить уму-разуму. Дескать, и прическа не такая, и одежда, и ветер в голове... А гуляла не по краешку, как было принято в Собрании, а зигзагами через весь зал, стараясь помешать танцующим.

Тем не менее, Наталью Дмитриевну Офросимову боялись. Лучше не перечить. Знатная. От нее всего лишь прятались, старались не попасться на глаза.

Этих офросимовых хватало. «Всем в Москве правили старухи, – писал Юрий Тынянов. – Москва была бабье царство. Жабами сидели они в креслах в Благородном собрании и грозно поглядывали вокруг».

Впрочем, по отношению к царям никто не вредничал. Наоборот, боялись помешать желанию монарха. Как-то император Александр Павлович вел в танце (в первой паре, разумеется) еще одну старуху, некую Архарову. Вдруг у Архаровой стало спадать исподнее белье. Она не оконфузилась, не подала и виду – даже наступила на свою одежду.

Благороднейшее общество восприняло ее поступок, словно подвиг.

Тут, как и везде, были свои зануды и свои блистательные шалуны. Взять, к примеру, Герцена. Он вспоминал в «Былом и думах»: «Бал был в зале Благородного собрания. Я походил, посидел, глядя, как русские аристократы, переодетые в разных пьоро, ото всей души усердствовали представить из себя парижских сидельцев и отчаянных канканеров... и пошел ужинать наверх».

А, скажем, Пушкин никогда бы так не написал. Он веселья не чурался, и тому свидетельствуют даже самые нейтральные воспоминания. Например, кухни Александра Герцена, Татьянушки Пассек: «Мы увидели Пушкина с хором Благородного собрания... Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него».

Немногие посмели бы облокотиться о такой культовый бюст. И Герцен так не поступил бы никогда. В крайнем случае, он произнес бы речь.

Кстати, по преданию, именно тут Александр Сергеевич Пушкин познакомился со своей будущей супругой (а вскоре и вдовой) Натальей Гончаровой. На балу у знаменитого танцмейстера Йогеля.

Поэт В. Филимонов писал в своей поэме под названием «Москва»:

Вот всей Москвы зимой по вторникам свиданье:
Наш Русский дом, Дворянское собрание.
Блаженство, рай годов былых,
О зала дивная, единственная в свете!
Как сладкий сон, мы помним их,
На зеркальном твоём паркете
И тихий экосез, и бысролетный вальс,
И этот польский, в добрый час,
Наш польский длинный, вечный польский!..
А эти хоры меж колонн,
Картинный вид на бальный мир московский,
На этот Руси сбор со всех сторон...

Это была главная бальная площадка города Москвы. А балы здесь любили. Бал был сказкой, мечтой, волшебством. И, в то же время, обычным явлением позапрошлого века. Ничуть не экзотичнее извозчика и кулебяки.

В девятнадцатом веке в балах заключался смысл общества. Балами жили. Без них нельзя представить дворянский быт России.

Между собой соревновались балетмейстеры. Лучшим был признан Петр Йогель, гениальнейший учитель танцев. Его балы старались, по возможности, не пропустить.

На балах заводили знакомства, решали дела, флиртовали, интриги плели. Многих они делали счастливыми. И многих, разумеется, несчастными. Где красавицы изменяли мужьям и влюбленным в них юношам? Разумеется, там, на балах. И бунинский барчук страдал в своем глухом имени, а старый верный «дядька» утешал его, как мог:

За окнами – снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам – следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как съежился снегирь
От стужи за окном. – Но вот слуга. Шаги.
По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: «Опять глядишь в углы?
Небось все писем ждешь, депеш да эстафет!
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве балы».

События же здесь случались самые разнообразные – от легких концертов до пафосных политических акций. Вот, например, 23 апреля 1844 года именно здесь состоялся гастрольный концерт немецкой пианистки Клары Шуман. Она приехала сюда со своим мужем, известным композитором Робертом Шуманом и выступила в Благородном собрании. Разумеется, ее слу-

шали с большой приязнью. В Москве и сегодня равнодушны к заезжим артистам. А в то время, при тех «средствах коммуникации», когда о телевидении еще и не мечтали – и подавно.

Клара Шуман писала: «Приняли меня очень восторженно. Большой успех имел „Ноктюрн“ Фильда».

Ей вообще понравились Москва и москвичи.

Дворянское собрание в то время было чинным, благородным, но никак не мертвенным и не официозным. А к началу прошлого столетия распоясалось вконец.

Об избранности публики уже не приходилось говорить. Сюда пускали каждого желающего. Возникло вдруг «демократическое» сокращение – «Благородка». Да и увеселения стали совсем другими, унижительными для старой дворянской гвардии, в изумлении доживающей свой долгий век.

В конце девятнадцатого века тут, например, устраивало свое празднество Общество искусства и литературы. Мало того, что в стены Благородного собрания пустили безродных рисовальщиков и шелкоперов. Им разрешили наряжаться в жуткие карнавальные костюмы и заставить аристократические интерьеры более чем смелыми декорациями.

Впрочем, жуткими и смелыми их находили только в прошлом веке. Из нашего же времени все это воспринимается как классика, немножечко поднадоевшая со школы. Например, картины Левитана.

В Колонном зале проходили концерты «музыкалки» – московского Музыкального общества. На концертах аристократизма не было в помине. А билетов на подобные мероприятия продавали больше, чем было в зале мест. В основном сюда ходило «новое купечество» – в отличие от старого, кондового, не чуждое искусств.

Петр Боборыкин так описывал одно из здешних культурно-развлекательных мероприятий: «По мраморной лестнице Благородного собрания поднималась на другой день Анна Серафимовна – одна, без Любаши.

Она любила выезжать одна и в театр лакея никогда не брала. Только на концерты Музыкального общества ездил с ней человек в скромной черной ливрее, более похожей на пальто, чем на ливрею. Первые сени, где пожарные отворяют двери, она быстро прошла в своей синей песцовой шубе. Двери хлопали, сквозной ветер так и гулял. В больших сенях стеной стояли лакеи с шубами. Все прибывающие дамы раздевались у лестницы. Белый и голубой цвета преобладали в платьях. По красному сукну ступенек поднимались слегка колеблющиеся, длинные, обтянутые женские фигуры, волоча шлейфы или подбирая их одной рукой. На площадке перед широким зеркалом стояли несколько дам и оправлялись. Правее и левее у зеркала же топтались молодые люди во фраках, двое даже в белых галстуках. Они надевали перчатки. На этот концерт съехалась вся Москва. В программе стояла приезжая из Милана певица и исполнение в первый раз новой вещи Чайковского.

Мраморный лев глядится в зеркало. Его голова и щит с гербом придают лестнице торжественный стиль. Потолок не успел еще закоптиться. Он лепной. Жирандоли на верхней площадке зажжены во все рожки. Там, у мраморных сквозных перил, мужчины стоят и ждут, перегнувшись книзу. На стуле сидит частный пристав и разговаривает с худым желтым брюнетом в сюртуке, имеющим вид зрителя... В зеркало она видна себе вся, и за ней лестница – вниз и вверх. Парадно почувствовала она себя, жутко немного, как всегда на людях. Но ей ловко в платье, перчатки тоже прекрасно сидят, на шесть пуговиц, в глазах сейчас прибавилось блеску, даром, что плохо спала, из-под кружевного края платья видны шелковые башмачки и ажурные чулки. Никогда она еще не находила себя такой изящной. Кажется, все тяжелое, купеческое слетело с нее. Осмотрела она себя быстро, в несколько секунд, поправила волосы, на груди что-то, достала билет из кармана, скрытого в складках юбки, и легкими шагами начала подниматься... Глазам ее приятно; но уже не в первый раз обоняет она запах сапожной кожи... И чем ближе к входу в первую залу, тем он слышнее. Запах этот идет от артельщиков в сибир-

ках, приставленных к контролю билетов. Она знает отлично этот запах. Ее артельщики ходят в таких же сапогах. Она подает одному из них свой абонементный билет. Он у ней нумерованный, но в большую залу она не пойдет; хорошо, если б удалось занять поближе место, за гостиной с арками, там, где полуосвещено. Вероятно, можно. Еще четверть часа до начала».

Продолжение «экскурсии» по «Благородному собранию для разночинцев» выглядело так: «У входа во вторую продольную залу – направо – стол с продажей афиш. Билетов не продают. В этой зале, откуда ход на хоры, стояли группы мужчин, дамы только проходили или останавливались перед зеркалом. Но в следующей комнате, гостиной с арками, ведущей в большую залу, уже разместились дамы по левой стене, на диванах и креслах, в светлых туалетах, в цветах и полуоткрытых лифах.

Анна Серафимовна бросила на них взгляд боком. Она знала трех из этих дам, могла назвать и по фамилиям... Вот жена железнодорожника – в рытом бархате, с толстой красной шеей; а у той муж в судебной палате что-то; а третья – вдова или «разводка» из губернии, везде бывает, рядится, на что живет – неизвестно... Все три оглядывают ее. Ей бы не хотелось проходить мимо них, да как же иначе сделать? Виктора Мироньча и его похождения каждая знает... А ни одна, гляди, хорошего слова про нее не скажет: «Купчиха, кумушка, на „он“ говорит, ему не такая жена нужна была». Каждую складочку осмотрят. Скажут: «Жадная, платье больше трехсот рублей не стоит, а брильянтов жалко надевать ей, неравно потеряет».

Щеки сильно разгорелись у Анны Серафимовны... Она быстро, быстро дошла до одной из арок, где уже мужчины теснились так, что с трудом можно было проникнуть в большую залу. Люстры были зажжены не во все свечи. Свет терялся в пыльной мгле между толстыми колоннами; с хор виднелись ряды голов в два яруса, открывались шеи, рукава, иногда целый бюст... Все это тонуло в темноте стены, прорезанной полукруглыми окнами. За колоннами внизу, на диванах, сплошной цепью расселись рано забравшиеся посетительницы концертов, и чем ближе к эстраде, помещающейся перед круглой гостиной, тем женщин больше и больше».

И так далее.

А перед революцией Собрание и вовсе опростилось. В нем в 1911 году прошли концерты народного хора Митрофана Пятницкого. И перед публикой показывали свое умение петь «Барыню» крестьяне из Воронежской губернии.

Пресса подавала это как вполне достойное событие. Больше того, восторгалась: дескать, только на этих концертах москвичи стали «лицом к лицу с настоящими народными певцами, – теми самыми деревенскими артистами и артистками, живыми художественными традициями которых доселе держится еще на Руси старинное песенное искусство».

Словом, демократизация страны коснулась и Дворянского собрания. По сути, уничтожила его. И собрание купцов, студентов и крестьянских песенников дворянским называли только по привычке.

* * *

Как ни странно, некая общественная значимость вернулась к этому дворцу после революции 1917 года.

«Дом благородного собрания»
Культурным домом стал теперь —
Центральным домом профсоюзов, —

ликовал Демьян Бедный.

«Дом благородных союзов», – шутили скептики.

Но, несмотря на узкий профиль нового владельца, именно в этом здании проходили многие важные события. Здесь устраивались показательные суды – от полусерьезного «Разгрома

«Левого фронта»» до известных разоблачений с последующими расстрелами. А. Мариенгоф вспоминал: «О таких буйных диспутах, к примеру, как «Разгром «Левого фронта», вероятно, современники до сих пор не без увлечения рассказывают своим дисциплинированным внукам.

В Колонный зал на «Разгром» Всеволод Мейерхольд, назвавший себя «мастером», привел не только актеров, актрис, музыкантов, художников, но и весь подсобный персонал, включая товарищей, стоявших у вешалок.

Следует заметить, что в те годы эти товарищи относились к своему театру несравненно горячее и преданней, чем относятся теперь премьеры и премьерши с самыми высокими званиями.

К Колонному залу мейерхольдовцы подошли стройными рядами. Впереди сам мастер чеканил мостовую выверенным командорским шагом. Вероятно, так маршировали при императоре Павле. В затылок за Мейерхольдом шел «знаменосец» – вихрастый художник богатырского сложения. Имя его не сохранилось в истории. Он величаво нес длинный шест, к которому были прибиты ярко-красные лыжные штаны, красиво развевающиеся в воздухе.

У всей этой армии «Левого фронта» никаких билетов, разумеется, не было. Колонный был взят яростным приступом. На это ушло минут двадцать. Мы были вынуждены начать с опозданием. Когда я появился на трибуне, вихрастый знаменосец по знаку мастера высоко поднял шест. Красные штаны зазмеились под хрустальной люстрой.

– Держись, Толя, начинается, – сказал Шершеневич.

В ту же минуту затрубил рог, затрещали трещотки, завывли сирены, задрезжали свистки.

Мне пришлось с равнодушным видом, заложив ногу на ногу, сесть на стул возле трибуны.

Публика была в восторге. Скандал ее устраивал значительно больше, чем наши сокрушительные речи.

Так проходил весь диспут. Я вставал и присаживался, вставал и присаживался. Есенин, засунув четыре пальца в рот, пытался пересвистать примерно две тысячи человек. Шершеневич философски выпускал изо рта дым классическими кольцами, а Рюрик Ивнев лорнировал переполненные хоры и партер.

Я не мог не улыбнуться, вспомнив его четверостишие, модное накануне революции:

Я выхожу из вагона
И лорнирую неизвестную местность.
А со мной – всегдашняя бонна —
Моя будущая известность.

Докурив папиросу, Шершеневич кисло сказал:

– «Разгром» не состоялся».

Здесь выставляли на «последнее прощание» гробы с великими усопшими. Первым из удостоившихся этой почести был Петр Кропоткин.

После встречи гроба с телом на Савеловском вокзале (последние годы великий Кропоткин провел в подмосковном Дмитрове) его перенесли на Большую Дмитровку, в Колонный зал Дома Союзов, где и установили для прощания. Это было началом традиции. До Кропоткина подобных актов – с организованной очередью, почетным караулом и прочей соответствующей атрибутикой – здесь не устраивали. Но с февраля 1921 года это место стало постоянным.

Два дня гроб стоял в Колонном зале. Количество пришедших попрощаться с видным анархистом исчислялось тысячами. Это были и делегации от заводов, общественных и государственных организаций, и самостоятельные граждане, представлявшие в том зале лишь самих себя. В почетном карауле большей частью находились анархисты.

Под конец церемонии произошла неприятная история. Дочь Петра Алексеевича Александра попросила Ленина «освободить хотя бы на день похорон, для участия в них тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом».

В просьбе ей было отказано. Но Александра Петровна была истинной дочерью своего отца и категорически заявила, что «все коммунистические венки будут сняты с гроба, если анархисты не будут выпущены на похороны».

На такое власти, конечно, пойти не могли. И анархисты были выпущены, что называется, «под честное слово». Все прекрасно понимали, что это самое «честное слово» подкрепляется возможностью очередного витка государственного террора: за каждого сбежавшего будут расстреляны десятки его невиновных соратников. Поэтому все анархисты после похорон вернулись в тюрьмы.

Здесь неоднократно выступал сам Ленин. Вот, например, одна из многочисленных замечаний, посвященных одному из многочисленных таких событий, помещенная в «Вечерке»: «Блестящий Колонный зал Дома союзов переполнен рабочими депутатами. На хорах полно гостей. В зале говорят о предстоящем выступлении тов. Ленина. Все с нетерпением ждут появления вождя русского пролетариата, который впервые после своего выздоровления должен выступить перед представителями рабочих организаций. Появление Владимира Ильича было встречено громом аплодисментов. Весь зал стоя приветствовал вождя мирового пролетариата. Приветствия вылились в форму бурной овации, длившейся несколько минут».

Вот еще одна история про Ленина, описанная публицистом Ильей Шнейдером: «Я объявил *pas de deux* и, сбегаю по приставленной к эстраде лесенке, заметил сидевшего на ее ступеньках человека, быстро писавшего что-то в записной книжке».

Немного погодя я снова вышел из круглого зальца к эстраде и заметил, что человек этот, повернув голову к танцующим, смотрит на заканчивающееся *adagio*, а потом внимательно следит, как Гельцер проводит в стремительном темпе свою вариацию.

Под гром аплодисментов балерина сбежала с лесенки. Человек, сидевший на ступеньках, повернул вслед Гельцеру голову, похлопал в ладоши и улыбнулся.

Я взглянул на его лицо и прирос к паркетному полу: прямо передо мной на расстоянии каких-нибудь двух-трех шагов сидел Ленин!

Я уже не видел ни мужской вариации, ни коды, ни финала, я видел одного только Ленина, который продолжал писать и время от времени взглядывал на сцену.

Мое сердце колотилось, я не мог отвести взгляда от такой знакомой по портретам фигуры Владимира Ильича, его головы, большого лба, от усов и бородки, удививших меня своим рыжеватым цветом, и не верил своим глазам, не верил, что наяву, так близко вижу Ленина.

Гельцер и Тихомиров сбежали с лесенки, и Ленин снова заулыбался и захлопал в ладоши. Потом он встал и, глядя в свою записную книжку, прошел в дверь, за которой стрекотали пишущие машинки».

А вот и другое событие: «Январь 1924 года. Мимо гроба с телом Ленина проходят люди. Газета «Беднота» охотно публикует диалоги между подобными паломниками: «Встречаю орловского мужика. Здравомоемся. Спрашиваю:

– Вы, товарищ Маянцев, давно в Москве?

– Какое, только вчера приехали, вот с ними, – указал он на стоящих четырех мужиков.

– Мы от «мира», целая деревня сделала нам сбор на дорогу. Бабы сносили в сборную избу полотенца, масло, яйца и строго-настрого наказывали посмотреть хоть на умершего Ильича. Да и не только посмотреть, а проводить до могилы».

Уже пятый час стоим, а теперь, кажись, недолго – вон уж дом-то близко».

Кого только не было среди тех, кто пришел попрощаться. Был, кстати, и писатель Михаил Булгаков. В два захода. Его супруга вспоминала: «24 января всю ночь простояли в Дом Союзов, но так и не попали, вернулись закоченевшие домой. Булгаков потом пошел один и попал».

Вера Инбер посвятила этому событию стихотворение «Пять ночей и дней»:

И прежде чем укрыть в могиле
Навеки от живых людей,
В Колонном зале положили
Его на пять ночей и дней...
И потекли людские толпы,
Неся знамена впереди,
Чтобы взглянуть на профиль желтый
И красный орден на груди.
Текли. А стужа над землею
Такая лютая была,
Как будто он унес с собою
Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали
Из-за того, что он уснул.
И был торжественно-печален
Луны почетный караул.

До могилы, куда так стремился проводить вождя товарищ Маянцев и которую прочла поэтесса В. Инбер, дело не дошло: здесь же было принято решение построить мавзолей. Сюда же доставили и архитектора Щусева, которому выпала честь решать эту нелегкую задачу.

А 7 февраля 1924 года в Колонном зале Дома Союзов состоялся пленум Моссовета, посвященный памяти Ленина.

Пленум постановил:

«1. Оставить Владимира Ильича Ленина навсегда в списках членов Моссовета как депутата трудящихся масс.

2. Номер 1 членского билета, присвоенного Владимиру Ильичу, в дальнейшем не выписывать другим избранным депутатам Совета».

До сравнительно недавних пор все это выполнялось с большой тщательностью.

При советской власти залы бывшего Дворянского собрания все чаще использовались в качестве общественно-политической площадки первого разряда. Это началось еще в 1919 году, когда здание передали профсоюзам. Сам Ленин выступал тут около пятидесяти раз. Затем трудящиеся массы прощались в этих залах с телом Ильича. Затем – траурный пленум Моссовета. А после события посыпались одно за другим.

Тут, к примеру, в 1934 году прощались с Сергеем Мироновичем Кировым. Его убийство приписывалось «шайке троцкистско-зиновьевских бандитов» – так выражались официальные средства массовой информации. А других тогда не было.

А спустя два года в этих стенах «многомиллионные народы Советского Союза... вынесли свой приговор главарям подлых банд фашистских агентов – троцкистско-зиновьевским шпионам, вредителям, диверсантам – Зиновьеву, Каменеву, Пятакову, Серебрякову и другим».

В это время здесь властвовал другой уже вождь – несколько иного склада, с несколько иной харизмой. Анатолий Рыбаков писал в романе «Тридцать пятый и другие годы»: «14 мая 1935 года Сталин приехал в Колонный зал Дома союзов на торжественное заседание, посвященное пуску Московского метрополитена.

Глядя на сидевших в зале молодых людей – строителей метро, на их радостные, веселые лица, обращенные только к НЕМУ, ждущие только ЕГО слова, он думал о том, что молодежь за НЕГО, молодежь, выросшая в ЕГО эпоху, – это ЕГО молодежь, им, детям из народа, он

дал образование, дал возможность осуществить свой трудовой подвиг, участвовать в великом преобразовании страны. Этот возраст, самый романтичный, навсегда будет связан в их памяти с НИИМ, их юность будет озарена ЕГО именем, преданность ЕМУ они пронесут до конца своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.